

датировки некоторых рукописей. Поэтому записи там расположены лишь в алфавитном порядке.

Для более быстрого поиска информации библиографический указатель снабжен справочно-вспомогательным аппаратом, т. е. рядом вспомогательных указателей, а именно: 1) алфавитным указателем изданных трудов Ю. Я. Бурмистровича (с. 238–248); 2) именованным указателем – для биографической (с. 249–251) и для библиографической частей (с. 261–286). Алфавитный указатель трудов необходим для установления библиографических данных об источниках, в которых опубликованы эти труды, и выходных данных его книг. Вспомогательный указатель персоналий делится на две части: 1) на часть дающую информацию о персоналиях, речь о которой идет в биографической части; 2) на часть, отражающую информацию о персоналиях, речь о которых идет в библиографической части. Алфавитно-предметный указатель представляет собой перечень предметных рубрик, отражающих содержание библиографических записей. Записи во всех вспомогательных указателях располагаются в алфавитном порядке.

Книга содержит цветные иллюстрации, которые отражают содержание биографической части: представлены здесь фотографии людей, о которых идет речь, также дано визуальное представление о трудах Ю. Я. Бурмистровича (обложки его книг, некоторых сборников научных трудов и журналов, в которых опубликованы его статьи с начальными фрагментами этих статей).

Алеи Бранднер

Успенский, Б. А.: Часть и целое в русской грамматике. Москва, Языки славянской культуры, 2004. – 128 с. ISBN 5-9551-0043-1

Автором настоящей работы является Борис Андреевич Успенский, бывший профессор Московского университета, в настоящее время профессор неополитанского Восточного университета. Задача работы – показать наличие в русском языке на глубинном уровне общей грамматической категории, категории партитивности, объединяющей имя и глагол; семантика этой категории определяется отношениями части и целого.

В вступительном разделе („*От автора*”, с. 9) автор знакомит кратко читателя с содержанием рецензируемой книги.

В современных грамматических руководствах по стилистике, книгах о культуре речи обычно указывается на дублетность окончаний родительного падежа единственного числа у некоторых групп существительных мужского рода. Этот вопрос обсуждается в первой главе настоящей книги, названной „*Часть и целое в имени: отношения падежных и числовых значений в формах единственного числа*” (с. 11–26). Т. наз. второй родительный или же партитивный падеж (тип *чашка чаю* наряду с *чашка чая*) образуется от ограничительного набора слов, которые обозначают неодушевленные существительные; он не имеет форм множественного числа. В основе его семантики лежит отношение части и целого. По своему употреблению второй родительный падеж оказывается маркированным по отношению к первому родительному. Из вышеприведенного примера следует, что его форма может быть

заменена на форму первого родительного, но не всегда может случиться наоборот. В отдельных случаях представлена лишь форма второго родительного; можно сказать *дай мне чайку*, но нельзя сказать **дай мне чайка*. Автор настоящей работы это объясняет тем, что форма *чайку* образована не от *чаёк*, а от *чаю* (дериватная история не *чай* > *чаёк* > *чайку*, а *чай* > *чаю* > *чайку*). Это препятствует образованию формы **чайка* от *чаёк*. Значит, второй родительный возможен лишь у слов, в значении которых имплицирована идея количества: *недостаток чаю* означает количественный недостаток × *недостаток чая* – выражение качества. При противопоставлении выступает, наоборот, форма первого родительного: *дайте чая, а не кофе*. В настоящей главе характеризуются разряды слов, у которых встречаются формы т. наз. второго родительного (слова с вещественным, собирательным, абстрактным значением). У них может отсутствовать форма множественного числа – могут они, по рекомендации автора, рассматриваться как *singularia tantum*.

Далее второй родительный падеж может употребляться в аблативном (отдельном) значении в сочетании с предлогами *с, от, из после* (ср.: *из дому, с краю, раз от разу, с первого разу, после чаю*), далее в значении инкорпорации, включения во что-то с предлогом *до* (ср.: *до дому*). Во всех приведенных случаях актуальным является отношение части и целого. В данных примерах семантика слова характеризует не слово как таковое, а слово в данной конструкции.

О фразах, означающих отсутствие чего-то, которые содержат сочетание второго родительного с предлогом *без*, можно сказать, что они имеют партитивное значение. В такого рода случаях имеет место констатация отсутствия какой-либо его части или какого-либо признака. Отношение признака к явлению аналогично отношению части и целого: *быть без носа* – утверждается отсутствие данного предмета × *быть без носу* – отрицается присутствие этого предмета.

Вторая глава „*Часть и целое в имени: отношения падежных и числовых значений в формах множественного числа*” (с. 27–45) анализирует отношение части и целого на конструкциях с предлогом *в* в сочетании с винительным падежом множественного числа. Речь идет о конструкциях типа *пойти в солдаты, постричься в монахи*, которые обозначают отношение части, вычлениваемой из целого. Общая совокупность отдельных элементов предстает в них как масса: *произвести в офицеры* – не то же, что *произвести офицером*. Автор подчеркивает здесь неспособность этих конструкций включать в себя определение к существительному. Можно сказать *Он попал в инженеры*, но нельзя сказать **Он попал в квалифицированные инженеры*. Та же семантика может быть усмотрена и в выражениях *ходить по грибы, ходить по ягоды, ходить по воду*. Речь идет здесь о сплошной массе, которая трактуется как единство. Нельзя сказать **ходить по белые грибы*.

Та же самая семантика находит выражение в особой форме родительного падежа множественного числа (и, соответственно, винительного множественного), омонимичной именительному падежу единственного числа, в таких, например, словах, как *гусар, драгун, grenадер, партизан* и т. п. Эти слова имеют в родительном множественного нулевое окончание, если они выражают собирательное значение; когда речь идет об отдельных людях, они имеют окончание *-ов* (ср.: *полк гусар* × *множество гусаров*).

Такие отношения могут наблюдаться и у неодушевленных объектов, в случае обозначения парных предметов. Встречаются у них две формы родительного мно-

жественного: *много сапог* „множество пар сапог” × *много сапогов* „множество разрозненных сапогов”. Указанное противопоставление мы находим и в сочетании существительных, обозначающих лицо, с собирательным числительным: *два солдата* „объединение двух лиц, составляющих одну группу” × *двое солдат* „имеется в виду вычленение некоторой группы, состоящей из двух лиц”, т. е. вычленение части из целого. Такие отношения обнаруживаются и при сочетании числительных с названиями единиц измерения. Автор настоящей книги опирается на Н. А. Еськову, которая считает возможным выделить особый падеж – счетную форму (ср.: *5 вольт, 10 ампер, 100 ватт ...*). Данные сочетания оказываются, по его мнению, аналогичными выражению *полк гусар*; они означают совокупность однородных явлений из общей массы.

В конце настоящей главы автор дает характеристику двух концепций множества: аддитивное множество (т. е. объединение отдельных составляющих элементов) и коммуникативное множество (т. е. целое, из которого могут быть вычленены составляющие его элементы). Иными словами: в первом случае целое образуется из частей (т. е. целое предстает как производное), во втором случае часть выступает как представитель целого (т. е. целое выступает как исходное понятие).

Отношения части и целого находят грамматическое выражение по преимуществу в именных формах. Аналогичные отношения в некоторых случаях могут быть прослежены и в глаголе. Им посвящена третья глава „*Часть и целое в глаголе*” (с. 46–61). Соответствующие грамматические значения относятся к глубинному слою языковой структуры. Автор сначала объясняет данную проблематику при помощи примеров, взятых из древнерусской письменности, разбирает причины использования в тексте разных способов употребления имеющихся видов прошедшего времени в древнерусском языке. Затем он обращает внимание на то, что формы несовершенного вида могут в современном русском языке обладать перфектным и плюсквамперфектным значением. Это обусловлено семантикой несовершенного вида; несовершенный вид имеет процессуальное и, в частности, итеративное значение, поскольку процесс может пониматься как последовательность изолированных действий или состояний. Следовательно, он может быть представлен как повторение однотипных действий или состояний. Поэтому формы несовершенного вида могут соотноситься с перфектным значением. Так фраза *вам звонили* означает „кто-то вам звонил”; фраза *никто вам не звонил* означает „ни один человек вам не звонил”. Или фраза *передавайте привет* не выражает многократности действия, достаточно один раз передать привет. Поэтому фраза *я читал Пушкина* может иметь в зависимости от контекста как перфектное, так и имперфектное значение. С одной стороны, может иметься в виду процесс (т. е. когда я читал Пушкина, вдруг я вспомнил о чем-то), с другой стороны, может иметься в виду результат (я могу сказать, что читал Пушкина, если я прочел хотя бы что-то им написанное). Итак, автор напоминает, что процесс может пониматься как целое или как совокупность, в данном случае последовательность, отдельных моментов. Сказанное наглядно проявляется в конструкциях с отрицанием. В положительной конструкции форма совершенного вида может коррелировать с формой итератива в конструкции с отрицанием; отрицание подчеркивает разовый характер действия (ср.: *не бывала* „ни разу не была”). Итеративная форма прошедшего времени, в обычном случае выражающая многократное действие, в конструкции с отрицанием выражает однократное действие. Так что

глаголы, выражающие однократность или многократность действия, в отрицательной конструкции меняют свое значение на противоположное.

В заключение настоящей главы автор констатирует наличие в русском языке на глубинном уровне общей грамматической категории, объединяющей имя и глагол, которую он называет категорией партитивности.

В самостоятельном разделе, названном „Экскурсе” помещены „Замечания о втором предложном падеже” (с. 63–74). Вторым предложным называется его местный вариант, который появляется в сочетании с предлогами *в, на* у ограниченной группы слов, обозначающих неодушевленные существительные мужского и женского рода (ср.: *в лесу, в снегу, на мосту, в кровѣ*). Автор отмечает, что отношения между вторым предложным и первым предложным падежом могут напоминать отношения между вторым родительным и первым родительным (ср.: *в лесу – из лесу, в снегу – много снегу*), причем форма второго предложного может заменяться при определенных условиях на соответствующую форму первого предложного падежа. К такой замене может приводить в ограниченном количестве примеров введение определения: *в песку* × *в золотом песке, руки в кровѣ* × *руки в человеческой кровѣ*). К автоматической замене приводит образование уменьшительной формы: *в саду* × *в садике, в садочке; на мосту* × *на мостике, на мосточке*). Есть, однако, единичные исключения: они сводятся к нескольким словам на -ок: *в уголке // в уголку, на бережке // на бережку*. Автор предполагает, что в свое время второй предложный падеж был, по-видимому, маркированным по отношению к первому предложному: значение первого предложного покрывало значение второго предложного и, соответственно, форма второго предложного могла всегда заменяться на форму первого предложного без изменения значения фразы. В некоторых случаях такие отношения могут наблюдаться в современном языке: *в шелку // в шёлке появилась моль, он сейчас в отпуску // в отпуске*. Можно, однако, привести примеры, когда мена форм невозможна (ср.: *Сколько красоты в лесу* – речь идет о красивых объектах внутри леса – фраза представляет отношение части и целого; × *Сколько красоты в лесе* – красота выступает как характеристика леса – отношение части и целого оказывается неактуальным). Форма второго предложного падежа имеет значение местонахождения. В основе противопоставления обоих предложных падежей лежит противопоставление качественной и реляционной характеристики.

Следуют „Примечания” (с. 75–110), которые содержат комментарии, дополняющие изложение в отдельных главах книги. Вслед за тем находится списокок „Цитируемой литературы” (с. 111–122), на которую автор опирался, или ссылается на ее статьи, или с их авторами полемизирует. Содержание („Оглавление”, с. 5–7) помещено в начале книги.

Алеш Бранднер

Калугин, В. В.: Язык и письменность Древней Руси. Лекции по истории русского литературного языка XI–XVII веков. Москва, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2005. – 272 с. ISBN 5-98269-036-8

Настоящая книга, автором которой является Василий Васильевич Калугин, сложилась на основе лекций по курсу „История русского литературного языка”, чита-